

ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

П. Ю. Уваров

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

«ДАБЫ ВОЙНА НЕ ЗАСТИГЛА ВРАСПЛОХ»: ГЕНРИХ II И ЕГО ВОИНЫ В ТРАКТАТЕ РАУЛЯ СПИФАМА (1556)

Итальянские войны (1491–1559) закончились поражением Франции, но предпоследняя из них (1552–1556) принесла французскому королю Генриху II определенные успехи. Восельское перемирие, заключенное 15 февраля 1556 г. на пять лет, дало мирную передышку, которую правительство Французского королевства собиралось использовать для продолжения масштабных реформ. В том же 1556 г. адвокат Парижского парламента Рауль Спифам опубликовал книгу *Dicaearchiae Henrici regis christianissimi progymnasmata*, где приводилось триста девять вымышленных королевских постановлений, призванных улучшить положение дел в церковных делах, королевском правосудии, и в других сферах. Рефреном многих из этих постановлений звучал мотив подготовки к скорой войне: поднимались вопросы, связанные с содержанием армии во время перемирия, с обучением подданных короля Франции военному искусству, с особыми формами почитания павших героев – защитников королевства (по мысли Р. Спифама, их надлежало приравнять к святым без официальной канонизации). Автор планировал составление национального мартиролога погибших воинов, которые могли бы послужить примером для воспитания воинской доблести последующих поколений. В данной статье автор ставит вопрос о том, насколько меры, предлагаемые Раулем Спифамом, могли соответствовать тем планам, которые вынашивались в правительственном «штабе реформ» до той поры, пока срыв Восельского перемирия, пленение коннетабля Анн де Монморанси, а затем и случайно полученное королем Генрихом II смертельное ранение на рыцарском турнире, не запустили иной сценарий развития французской истории.

Ключевые слова: Франция, Генрих II, Итальянские войны, Восельское перемирие, Рауль Спифам, организация обороны, национальный мартиролог, помощь ветеранам, патриотическое воспитание

Цитирование: Уваров П. Ю. «Дабы война не застала врасплох». Генрих II и его воины в трактате Рауля Спифама (1556) <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-5-35> // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 5-35.

Поступила в редакцию: 04.01.2023

Принята к печати: 22.08.2023

Pavel Yu. Uvarov

Institute of World History

Russian Academy of Sciences

Moscow

**«AFFIN DE NE TOMBER EN SURPRISE PAR
LE MOUVEMENT DE GUERRE INESPÉRÉE»:
HENRY II AND HIS WARRIORS
IN THE TREATISE BY RAOUL SPIFAME (1556)**

The Italian wars (1491–1559) ended with the defeat of France, but the penultimate war (1552–1556) brought Henry II certain successes. The truce of Vaucelles (February 1556) for five years, gave a peaceful respite. The government of Henry II was going to use it to continue comprehensive reforms. In the same 1556, the lawyer of the Parliament of Paris Raoul Spifame published the book *Dicaearchiae Henrici regis christianissimi progymnasmata*, which cited 309 fictitious «royal» decrees (arrests) designed to reform the situation in the Church, in royal justice, and in other areas. The refrain of many arrests served as a motive for preparing for an imminent war. It is not surprising that some of them are devoted to such issues as the maintenance of the army during the truce, the training of subjects in the art of war, and special forms of honouring the fallen heroes – defenders of the kingdom. They, according to Raoul Spifame, deserve to be equated with saints without official canonization. The author plans to create a national martyrology of the fallen warriors, which would serve as an example for the education of military prowess for future generations. The article raises the question of how the measures proposed by Raoul Spifame correspond to the plans that were hatched in the government

«headquarters of reforms» before the implementation of these plans became impossible because of the failure of the truce of Vaucelles, the capture of the constable of Anne de Montmorency (the patron of the reformers) and then accidental death of the king.

Keywords: France, XVIth Century, Henry II of France, Italian wars, truce of Vaucelles, Raoul Spifame, organisation of defence, national martyrology of the fallen warriors, support for veterans, patriotic education

Citation: Uvarov, P., (2023) «Daby voĭna ne zastala vrasplokh». Genrikh II i ego voiny v traktate Raulia Spifama (1556) [« Affin de ne tomber en surprise par le mouvement de guerre inespérée»: Henry II and his warriors in the treatise by Raoul Spifame (1556)]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-5-35>. *Annual of French Studies*, 2023, vol. 56, p. 5-35.

Итальянские войны (1491–1559) принято рассматривать в контексте модернизационного процесса и придавать им роль катализатора инноваций. С этим трудно спорить. Изменения, связанные с «военной революцией», проявились в Итальянских войнах в полной мере. Обычно говорят о появлении дисциплинированной тяжеловооруженной пехоты, о новых принципах фортификации, о совершенствовании полевой артиллерии и ручного огнестрельного оружия¹. Всё это неслыханно увеличивало расходы на войну и требовало усилий по бесперебойному снабжению армии. По словам Майкла Робертса (впервые введшего в научный оборот термин «военная революция»), новое военное искусство «сделало возможным и необходимым создание нового государства»². Действительно, вторжение французского короля Карла VIII в политически раздробленную Италию вскоре переросло почти в общеевропейский конфликт, что привело к беспрецедентному увеличению фискальных потребностей и возможностей государства, разбуханию административного аппарата, изменению акцентов в диалоге власти и общества. Стремительный рост логистических проблем, связанных с войной, и лихорадочные поиски их решений изменили если не форму, то стиль правления, который характеризуется историками то как «абсолютизм», то как «новая монархия», то как «ренессансная монархия».

Однако было бы непростительным упрощением воспринимать Итальянские войны лишь в модернизационном ключе. Культурные явления, описанные Йоханом Хейзингой в «Осени Средневе-

¹ Федосов Д. Г. Военная революция // Всемирная история. Т. 3. М., 2019. С. 65–69.

² Цит по: Black J. Was There a Military Revolution in Early Modern Europe? // *History Today*. 2008. Vol. 58. № 7. P. 34.

ковья», не исчезли, а отчасти даже усилились в эту эпоху. Инновации в военном искусстве не мешали усилению рыцарского культа³. XVI век – время торжества рыцарских романов⁴, апологетики рыцарских добродетелей и пышных турниров. Впервые в рыцари был посвящен сам король – так была отмечена доблесть Франциска I в сражении при Мариньяно (1515). Вскоре два «короля-рыцаря», Карл V и Франциск I, обменялись вызовами на рыцарский поединок, поскольку затронуты были вопросы чести. Жертвенная фигура рыцаря обретала эсхатологическое значение: смерть Баярда, «рыцаря без страха и упрека», воспринималась как знак близкого Апокалипсиса⁵ наряду с прорывом турок в центр христианской Европы и с разграблением Рима (1527).

Последний период Итальянских войн совпал с правлением Генриха II (1547–1559). Заняв престол, новый король, представлявший себя в образе короля-рыцаря⁶, сразу же дал понять, что готов продолжить борьбу с императором. Но именно в этот момент долгого соперничества династий Валуа и Габсбургов мощь последних стремительно возросла. Помимо военных успехов габсбургской коалиции, подкрепленных усилиями испанских боевых терций и испанского флота, сказалось и экономическое преимущество: Габсбурги контролировали Нидерланды, где размещался центр складывавшейся мировой экономической системы, но главное – в Испанию непрерывным потоком пошло серебро из рудников Нового Света.

Французский король обладал самым многочисленным в Европе корпусом чиновников, помогавшим собирать налоги и управлять многонаселенным королевством, однако надеяться ему приходилось лишь на внутренние ресурсы. И все же десятая по счету война (1552–1556) принесла Генриху II не только неудачи, но и успехи: был установлен контроль над тремя епископствами, расположенными на территории Священной Римской империи (Мец,

³ *Le Roux N.* Le crépuscule de la chevalerie. Noblesse et guerre au siècle de la Renaissance. Seyzérieu, 2015.

⁴ *Андреев М. Л.* Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993.

⁵ *Champier S.* Les gestes ensemble la vie du preulx Chevalier Bayard. P., 2005 (1ère éd. – 1992).

⁶ Генрих II и сам считался лучшим рыцарем Запада (во всяком случае, лучшим турнирным бойцом) и демонстрировал желание возродить рыцарские ценности. Взойдя на престол, он дал разрешение на публичный «поединок чести» между Ги Шабо, бароном де Жарнаком, и Франсуа де Вивоном, сеньором де Шатеньере. Поединок неожиданно оказался смертельным (подробнее см.: *Franklin A.* Le duel de Jarnac et de La Châtaigneraie d'après une relation contemporaine et officielle. P., 1909). Правление короля-рыцаря завершилось турниром, на котором монарх был смертельно ранен.

Туль и Верден); несмотря на потерю Сиены под властью французского короля оставались Пьемонт и недавно завоеванная Корсика. Карл V отрекся от власти, передав испанскую корону своему сыну Филиппу II, а австрийские владения и императорскую корону – брату Фердинанду I. Восельское перемирие, подписанное 15 февраля 1556 г. сроком на пять лет, давало Генриху II время, чтобы поправить финансовое положение и завершить масштабные реформы всех сторон жизни королевства.

В этот период мирной передышки в Париже вышла книга *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata* («Упражнения христианнейшего короля Генриха в хорошем правлении») ⁷. Термин *progymnasmata* отсылал произведение к известному в античности и возрожденному гуманистами жанру упражнений на вымышленную тему для обучения риторике, понимаемой как судебное красноречие ⁸. Порой подобные сочинения, призванные привить молодым клеркам навыки составления бумаг, давались в игровой, сатирической форме ⁹. Несмотря на заглавие и на то, что имя автора, адвоката Рауля Спифама, в латинизированном виде было указано в самом начале книги, некоторые из правоведов Старого порядка ссылались на постановления *Dicaearchiae* как на вполне аутентичные королевские указы. По поводу этого издания сложилось немало историографических мифов ¹⁰, которые я позволю себе опустить, равно как и описание бурной биографии самого автора и членов его семьи ¹¹.

Из двух задуманных Спифамом томов ему удалось опубликовать лишь первый. Он включал 309 постановлений, в которых помимо описания прерогатив и способов отправления королевского правосудия говорилось о различных аспектах реформирования Галликанской церкви, об управлении Парижем и еще о многом ином: от цветов мантий докторов Парижского университета до обязанностей

⁷ Spifame R. *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata*. [P.,] 1556. Далее – *Dicaearchiae*.

⁸ Подробнее см.: Chiron P. *Manuel de rhétorique ou Comment faire de l'élève un citoyen*. P., 2018; *Les Progymnasmata en pratique, de l'Antiquité à nos jours*. P., 2020.

⁹ Например, см.: [Du Trocy B.] *Formulaire fort récréatif de tous contractz, donations, testamens, codicilles et autres actes qui sont faicts et passez par devant notaires et tesmoins, faict par Bredin le Cocu, notaire royal et contrerooleur des basses marches au royaume d'Utopie*. Lyon, 1593.

¹⁰ Уваров П. Ю. Проекты реформ Галликанской церкви и «повседневного благочестия» накануне Религиозных войн // Изв. Уральск. фед. ун-та. Сер. 2: Гум. науки. 2021. Т. 23. № 2. С. 59–74.

¹¹ Десимон Р., Мий Э., Уваров П. Ю. Семейные ценности Спифамов (разрыв и преемственность в парижском линьяже в XVI–XVII веках) // СВ. 2011. Вып. 72 (1–2). С. 274–305.

владельцев собак. Все эти постановления, по логике автора, относились к сфере королевского правосудия¹².

Во введении автор приводит посвященное королю стихотворение собственного сочинения¹³:

О пресчастливейший наш, свои коль достоинства знаешь,
 Генрих-король! Ведь тебя народ процветающий славит,
 Люд превозносит, любя, величает тебя миротворцем,
 Ратником, общим отцом, равно и страхом злодеям,
 Кротким, но вместе же с тем и орудьем Божьего гнева.
 Бич беспощадный, твоих коль ударов судьба не умерит,
 Станут испанцы добычей капканов французских.

(Пер. В. В. Рыбакова)

Как бы ни превозносились в виршах заслуги Генриха II как отца народа и миротворца, мотив подготовки к новым битвам в них доминирует. В подавляющем большинстве случаев новые должности, установления и меры, о которых говорилось в *Dicaearchiae*, носили экстраординарный характер, ведь война давала право на нарушение ординарного порядка вещей и ординарной юстиции. И неудивительно, что лейтмотивом многих постановлений звучит необходимость усиления Французского королевства для грядущей великой схватки с Испанией. Поэтому адвокат Рауль Спифам — человек, никогда не бравший в руки оружия и озабоченный в основном улучшением работы правосудия, реорганизацией жизни Галликанской церкви и административными делами, в своем трактате так или иначе затрагивал вопросы, связанные с войной и военными.

В постановлениях, представленных в *Dicaearchiae*, часто решалось сразу несколько вопросов. Так, постановление № 264 относилось к группе мер по улучшению Галликанской церкви, направленных против роскоши, излишеств и церковных обычаев, граничивших с суевериями. В данном случае речь шла об избыточном числе колоколов у городских церквей, что, по мнению Спифама, служило лишь для удовлетворения тщеславия и светских развлечений. В постановлении определялось допустимое число колоко-

¹² Даже если речь шла о судебных тяжбах самого Рауля Спифама, он приводил их в качестве примеров судебных ошибок, иллюстрировавших необходимость реформирования судов.

¹³ В посвящении говорится, что прославление короля свершается «...Раулем Спифамом, галльским поэтом, автором сего сочинения» («*Radelpho Spifama poeta Gallo praeconii huius authore*» – *Dicaearchiae*. F. 3r).

лов в зависимости от статуса храма, а лишние колокола следовало отправить на переплавку. Полученный таким образом металл должен был использоваться для чеканки мелкой монеты, которая оставалась бы в городах и составляла бы обеспечение конституированных рент, выпущенных местной ратушей (*Hôtel de ville*) под 12-й денье (8,3%). В пограничных областях снятые колокола надо было переделывать исключительно в пушки и другие орудия – «незамедлительно и без проволочек, дабы война не застигла врасплох»¹⁴.

Первый способ утилизации колокольной меди – чеканка монеты – тоже в определенной степени был связан с подготовкой к войне, поскольку постановление № 255 в *Dicaearchiae* обязывало городские ратуши пополнять свои арсеналы. В преамбуле Спифам конкретизирует характер военной угрозы и уточняет ее сроки: «Король... помнит о великом зле и тяготах, которые понес его народ во время последней войны, увенчавшейся перемирием, заключенным 5 февраля (*sic!*) сроком на пять лет, и учитывая, что любое подписанное перемирие... есть лишь подготовка к будущей войне, каковая начнется по окончании перемирия, во время которого не будет назван предусмотрительным тот, кто в спокойное время не позаботится о своей силе и о своем снаряжении»¹⁵. И далее Спифам от имени короля предписывает всем ратушам немедленно приступить к созданию запасов военного снаряжения и ружей. Если городские власти начнут это делать сейчас, то еще до конца перемирия в городах будет накоплено много оружия, достаточного для отражения внезапных атак противника. Оружие останется лишь распределить, когда выйдет соответствующее королевское распоряжение. В постановлении приводятся и хозяйственные резоны начинать закупки оружия именно сейчас, ведь с приближением военного времени цены на вооружение неминуемо выросли бы. Остается не вполне ясным, приобретенные муниципалитетами оружие и доспехи раздавались бы ополченцам за счет города или продавались бы профессиональным военным. В последнем случае городские власти, играя на повышении цен, смогли бы окупить свои расходы.

Еще больших средств требовало усовершенствование старых городских укреплений и возведение новых. Города обязаны были

¹⁴ *Dicaearchiae*. CCLXIV. Fol. 229. Такое использование колоколов время от времени встречалось в XVI в. (см.: *Contamine Ph. Les industries de guerre dans la France de la Renaissance: l'exemple de l'artillerie // Revue Historique*. 1984. T. 271. Fasc. 2 (550). P. 249–280).

¹⁵ *Dicaearchiae*. CCLV. F. 320r–320v.

нести эти расходы, поскольку немалые привилегии они получили от королевской власти именно как укрепленные «закрытые» поселения, чьи стены должны были не только охранять покой горожан, но и служить для безопасности всего королевства. Если же все подобающие работы не будут произведены в ближайшее время, то королю надлежало лишить такие города их привилегий и статуса. В этом постановлении (№ 49) оговаривались возможные способы сбора денег на фортификационные работы. Особое внимание уделялось также защите города со стороны реки. Между арками мостов следовало натянуть толстые железные цепи, рыбачьи неводы и верши, дабы при необходимости быстро перекрыть пути проникновения врага в город водным путем¹⁶.

В постановлении, посвященном отнюдь не обороне Парижа, но застройке новых кварталов (№ 291), Спифам оговаривает возможность быстро перекрывать парижские улицы цепями в случае опасности, «подобно тому, как в старину цепи крепились к углам домов, что устрашает врагов и сулит поражение тем, кто покушаются на покой города». Он даже приводит мнение «неких историков», что город не нуждается в укреплениях и рвах, коль скоро мужи являются его стенами, а женщины и одни на защищенных цепями улицах могут разгромить любую армию¹⁷.

Если подобно авторам позапрошлого, да и прошлого веков искать в *Dicaearchiae* свидетельства пророческого дара Спифама, то можно усмотреть в этой фразе предсказание «Дня баррикад» 12 мая 1558 г. в Париже, когда в ответ на ввод в город швейцарских наемников парижане мгновенно перекрыли улицы Парижа цепями, для надежности скрепив ими поднятые из подвалов и набитые землей большие бочки из-под вина (*barriques*), а парижанки обрушили на головы солдат куски черепицы. Но еще у Франсуа Рабле, во второй книге «Гаргантюа и Пантагрюэль», мудрый великан объясняет Панургу, почему Париж не нуждается в стенах: «Друг мой! – возразил Пантагрюэль. – Знаешь ли ты, что ответил Агесилай, когда его спросили, почему великий лакедемонский город не обнесен стеною? Указав на его жителей и граждан, искушенных в ратном ис-

¹⁶ Стоит напомнить, что много позже, жарким летом 1590 г., по обмелевшему руслу Сены в Париж попытался проникнуть отряд сторонников Генриха IV Бурбона.

¹⁷ «n'eust aucuns rempars ne fossez par dehors pource qu'en si grande ville tant peulee les homes doibvent server de murailles, & les femmes fort animees avecques la force desdictes chesnes tendues seroient seules souffisances pour desconfire la plus grosse armee que l'on puisse mettre en campagne» (*Dicaearchiae*. CCXCI. F. 259v).

кустстве, сильных и хорошо вооруженных, он воскликнул: «Вот стены города!»... Так же точно и этот город силен своим многочисленным и воинственным населением и в ином оплоте не нуждается». Но это был ответ Пантагрюэля на едкое замечание Панурга, созерцавшего парижские стены Левого берега: «Корове пукнуть стоит – и более шести брасов такой стены тотчас же рухнет наземь»¹⁸. После возражения великана Панург сразу же изложил свой план укрепления парижских стен, выдержанный в духе карнавального похабства.

Состояние городских стен Парижа, как и других городов Франции, волновало и Спифама. В постановлении № 250 отмечалось, что городские стены уязвимы для артиллерии, но если огонь пушек легко разрушает стены из тесанного или необработанного камня, то в хорошо оштукатуренной стене при попадании остается лишь дырка от ядра. В документе говорилось, что в Париже имеется много гипса¹⁹, и многие дома для надежности покрывают гипсовой штукатуркой, однако городские стены остаются необлицованными и не могут выдерживать большую нагрузку. В связи с этим предписывалось при сносе парижских зданий использовать их облицовочный материал для укрепления городских стен.

Следуя совету спартанца Агесилая, Спифам заботился не только о стенах, но и о доблести мужей города. Дабы совершенствовать владение военным искусством молодыми дворянами, во всех городах на средства муниципалитетов в подобающих для этого местах необходимо было возвести ристалища для турниров и воинских состязаний²⁰. Как всегда, основное внимание уделялось при этом Парижу. Место для турниров должно было располагаться на западной стрелке острова Сите, которую предполагалось значительно продлить – она должна была заходить за линию современного моста Искусств. Спифам определил и высоту каменного ограждения ристалища, и расположение зрительских трибун, и то, как организовать срочную добычу и доставку камня, необходимого для этого строительства.

В одном из «оборонных» постановлений *Dicaearchiae*²¹ более подробно регламентировалась организация в городах военных

¹⁸ Рабле Ф. Пантагрюэль, король дипсодов. Гл. XV // Он же. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1966. С. 217–218.

¹⁹ Гипс высокого качества добывали в каменоломнях Правого берега вплоть до середины XX в.

²⁰ *Dicaearchiae*. XL. F. 68–69.

²¹ *Dicaearchiae*. CCXLI. F. 306v–307r.

упражнений, поощрялись турниры, состязания в искусстве фехтования и в рукопашном бою, предписывалось совершенствование во владении оружием, принятым у разных народов: лук у англичан, аркебуза у испанцев, пика у швейцарцев. В каждом городе надлежало ежемесячно устраивать учебные сражения и военные упражнения, а затем проводить состязания на приз с целью приучить людей к владению оружием, к охране и защите своей страны и своего имущества. Вряд ли Спифам придумал в данном случае нечто принципиально новое. Традиция состязаний и смотров стрелковых гильдий, судя по всему, существовала в городах Франции и ранее, и уж точно станет распространенным явлением во время Религиозных войн. Так, например, при Генрихе III в небольшом городе Провене действовала городская команда («королевство») аркебузирова, регулярно устраивавшая смотры и состязания в стрельбе как в рамках города, так и межгородские. Такое же «королевство» было и у местных любителей стрельбы из арбалета²².

Преамбула другого постановления, № 241, начинается неожиданно: «подобно тому, как с целью упражнения воинов в водных и морских сражениях разрешено пиратство (*la pyratique*) в городах, удаленных от моря, чтобы обучить пехотинцев, разрешены турниры»²³. Вряд ли термин «*la pyratique*» обозначает именно пиратство, пусть даже узаконенное под видом каперства. Генрих II, уделявший большое внимание созданию французского флота, способного соперничать с эскадрами таких морских держав, как Англия и Испания, стремился поддерживать жесткую дисциплину среди своих флотоводцев²⁴. Скорее речь идет об учебных абордажных сражениях корабельных экипажей. Вероятно, среди недошедших до нас постановлений *Dicaearchiae* могло быть распоряжение об организации показательных водных битв, наподобие античных навмахий. Такое зрелищное сражение, весьма впечатлившее современников, было, например, устроено в 1550 г. во время торжественного въезда Генриха II в Руан²⁵.

²² Уваров П. Ю. «Король аркебузы» и «рыцари присяги» в Провене времен Религиозных войн // СВ. 2021. Вып. 82(4). С. 86–108.

²³ «Comme pour exercer gens de guerres a bataille navalle & maritime l'on permect la pyratique & pour duire les gens de pied.... L'on permect jeuz de barre» (*Dicaearchiae*. CCXLI. F. 306v).

²⁴ *La Roncière Ch. de*. Henri II précurseur de Colbert // Bibliothèque de l'École des chartes. 1905. T. 66. P. 633–654.

²⁵ *Wintroub M.* L'ordre du rituel et l'ordre des choses: l'entrée royale d'Henri II à Rouen // Annales. Histoire. Sciences sociales. 2001. Vol. 56. № 2. P. 479–505.

Вернемся к постановлению № 241, где Парижу вновь уделяется особое внимание. Полезные военные развлечения следовало проводить на лугу Пре-о-Клер, якобы издавна отведенном королями для подобных упражнений. «Луг клириков» на берегу Сены с давних пор был предметом спора между студентами университета, считавшими его своим традиционным местом отдыха и близлежащим аббатством Сен-Жермен-де-Пре. По мере разрастания парижской агломерации этот участок привлекал многих желавших приступить к его застройке. Между студентами и «узурпаторами» (получившими права на застройку от аббата Сен-Жермен-де-Пре) вспыхивали стычки. Как правило, университет выходил из них победителем, однако через год после публикации *Dicaearchiae*, в мае 1557 г., очередной конфликт вызвал гнев короля, обрушившийся на студентов и всю корпорацию. Только университетской делегации во главе с королевскими лекторами удалось смягчить гнев монарха, когда в качестве компромисса была предложена масштабная реформа всего университета. В плане, предложенном Петром Рамусом, «королевским лектором в математике», говорилось: «Нужно, чтобы эта площадь [Пре-о-Клер] была очищена от запахов, сопутствующих торговле, чтобы там не было ни ремесленников, ни крестьян, потому что это место отведено для упражнений юношества и является гордостью города... Однако надо, чтобы несколько магистратов присутствовали при играх молодежи, побуждая ее к скромности и стыдливости»²⁶. И аббатству, и университету предстояло отказаться от прав на спорную территорию и превратить ее в публичное пространство – «философскую площадь» или «философское место».

Таким образом, основное отличие преобразования, предложенного Спифамом годом ранее, от плана Рамуса, как кажется, состояло лишь в том, что, согласно Спифаму, эта зона должна была использоваться для упражнений в военных искусствах. Но Спифам на этом не останавливался, повелевая «иметь ординарного лектора, публично читающего лекции в общественных школах коллегии “Трех епископов” по книгам, составленным для углубленного знания и обучения в этом искусстве, каковой обязан будет преподавать по-французски для тех, кто не понимает латыни»²⁷.

²⁶ Harangue de Pierre de La Ramée, touchant ce qu’ont fait les deputez de l’Université de Paris envers le Roy. P., 1557. F. 19r.

²⁷ «Un lecteur ordinaire exposant publicemnt en escoles publiques au college des trois Evesques les livres composez pour lerudition & l’enseignement dicelluy art le quell sera tenue n

Еще Франциск I в 1530 г. учредил звание «королевских публичных лекторов» в Парижском университете. Желая учесть гуманистические требования к образованию, король выплачивал жалованье известным профессорам, чтобы они читали в университете лекции по новым дисциплинам, не предусмотренным университетскими программами, но востребованными публикой. Учреждалось преподавание греческого и еврейского языков, латинского красноречия, греческой и латинской философии, математики. Такие лекции были открыты для всех желающих, но каждая из них читалась в той учебной коллегии, к которой принадлежал лектор. И только в начале следующего столетия все королевские лекторы будут преподавать в одном здании. В *Dicaearchiae* новой кафедре военного искусства отводится здание коллегии «Трех епископов» (иначе коллегии Камбре). Спифам в очередной раз оказался провидцем, поскольку именно в этой коллегии с 1610 г. и стали проводиться занятия всех королевских лекторов. Сегодня на этом месте находится Коллеж де Франс.

Оригинальность предложения *Dicaearchiae* заключается в том, что в отличие от всех других курсов занятия по военному искусству должны были вестись на французском языке, что резко расширяло круг желавших их слушать. И в этом отношении Спифам прорывает со схоластической университетской традицией, к которой в целом относился весьма критически.

Круг желавших изучать военное дело, по мысли Спифама, мог быть велик. Но в предписаниях *Dicaearchiae* указывалась группа лиц, которым это искусство надлежало изучить в обязательном порядке. В преамбуле постановления № 30 говорилось: «Первым долгом судебной власти являются воинские деяния», при помощи которых государь дарует закон побежденным, а в мирное время вооруженной рукой удерживает в повиновении мятежных подданных, недаром в древности говорили, что «императорское величие должно быть украшено оружием»²⁸. Поэтому все должностные лица, отправлявшие правосудие, должны были сдавать экзамен на предмет знания законов, военных хитростей (*stratagèmes*) и уловок войны, а также того, что могло относиться к военному искусству²⁹. Спифам от лица короля подчеркивал, что речь не идет

faire une exposition familiere en François pour ceulx qui n'entendorn latin» (*Dicaearchiae*. CCXLI. F. 307r).

²⁸ *Dicaearchiae*. XXX. F. 58r.

²⁹ *Ibid*.

об испытаниях, наподобие тех схоластических диспутов, которые устраиваются перед присуждением университетских степеней. Новый экзамен должна была принимать комиссия, в которую вошли бы люди военные: коннетабль, адмирал и маршалы Франции, а также генеральные королевские заместники и губернаторы. Впрочем, военачальники могли быть представлены и своими заместителями – лейтенантами. В комиссию входили и президенты палат данной судебной курии. В итоге должно было выдаваться свидетельство, скрепленное подписями и печатью, подтверждавшее знания испытуемых. Спифам предвидел, что такое постановление неминуемо вызовет сильное противодействие магистратов. По-видимому, по этой причине он не столько говорит о практической стороне дела, сколько грозит слушникам, долго перечисляя возможные меры наказания. О том же, почему судьям надлежит быть сведущими в военном деле, более подробно говорится в постановлении № 129.

Прежде чем перейти к анализу содержания этого постановления, следует сказать о распространении «семестрального» принципа отправления королевских должностей. В период правления Генриха II было создано очень много новых должностей. Это приносило в казну немалые доходы, ведь новый офисье (*officier*), владелец должности, фактически покупал ее, точнее, предоставлял королю ссуду. Желавших занять королевскую должность было немало, потребности казны росли, но бесконечно учреждать новые должности было не просто даже для короля. Поэтому в качестве экстренной меры на одну и ту же должность могли назначить сразу двух претендентов, чтобы они исполняли свои обязанности поочередно, по семестрам. Спифам с энтузиазмом распространял этот принцип на большинство должностей³⁰. Он ничего не писал о финансовой стороне такой практики, но указывал на иные ее выгоды. Офисье трудится полгода, а затем уходит на полгода в неоплачиваемый отпуск. Этот «семестр вакации» предназначался для отдыха, чтения полезных книг, стажировки в других куриях, а при необходимости для выполнения особых поручений короля. Но в случае войны офисье, наделенные судебной властью, в свой свободный семестр должны были присоединиться к военачальникам

³⁰ Уже во Введении к своей книге Спифам пишет о предпочтительном отпращивании должностей по семестрам, ставя его в ряд с другими важнейшими нововведениями – «Les commoditez bien publique qu'apporte semestralité intoduicte en ses cours de Parlement, signamment au parlement de Paris» (Dicaearchiae. F. 1v).

(капитанам), чтобы оказывать им поддержку и помощь советами, особенно если речь шла о судопроизводстве. Эта их деятельность приравнивалась к отправлению основной должности, за нее продолжалась бы выплата жалованья.

В конце постановления, где указывались меры, грозившие нарушителям данных предписаний, содержится характерная оговорка: если офицье не имел дворянского статуса, отказ отправиться в армию грозил ему лишением должности и, соответственно, потерей внесенной за нее в казну суммы (*finance*). Но если офицье был дворянином по происхождению или по должности, то в случае такого отказа его ждала еще и потеря дворянского звания. В этом была логика, коль скоро сама чиновная элита подчеркивала свою принадлежность к дворянству³¹, настаивая на том, что она служит королю, а служба и есть первая обязанность дворянства. Служить предполагалось в первую очередь советом (*concilium*), но также и оказывая помощь (*auxilium*). Спифам полагал, что во время войны долг помощи для дворян перевешивает по своей важности остальные задачи. Недаром особое внимание в его постановлении уделялось тому, что в военное время священнослужители и монахи, имевшие благородное происхождение и ранее получившие боевой опыт, должны были взять в руки оружие, временно пренебречь запретами, налагаемыми духовным саном³².

Помимо оказания квалифицированной юридической помощи капитанам офицье должны были присутствовать на военных советах, где, обладая приоритетом в решении дел правосудия, могли бы и сами учиться у военачальников, превосходивших их в военном опыте. В преамбуле этого постановления Спифам ставит в пример сенаторов Рима, которые в военное время становились командующими, столь же хорошо разбираясь в военных делах, как и в мирных. Отсылка вполне уместная, коль скоро Парижский парламент любил сам себя уподоблять римскому Сенату³³. Именно это, продолжал Спифам, и было «залогом их [сенаторов] вечной славы, проистекавшей от героической добродетели, которую сегодня не найти в библиотеках и кабинетах» судейских. Автор

³¹ Huppert G. Les bourgeois gentilshommes: An essay on the definition of elites in Renaissance France. Chicago, 1977.

³² Dicaearchiae. ССXLIII. F. 309. Во времена Католической Лиги, в 1584–1594 гг., монахи и священники брали в руки оружие, даже не снимая с себя сутаны, если верить многочисленным изображениям процессий Лиги в Париже.

³³ Daubresse S. Le Parlement de Paris ou la voix de la Raison (1559–1589). Genève, 2005.

вновь, как и в постановлении № 30, делает выпад против схоластического книжного образования, подчеркивая, что ныне судейские – «мастера вольтижировки над книгами и комментариями к ним, их бесплодные диспуты разрушительны для всякого знания, поскольку в них побеждает лишь самый упрямый. Воистину это тюрьма для доброго духа, разрушение крепости моральной дисциплины, которая является в большей степени практической, чем спекулятивной, и к тому же оправдывается лишь своими поступками и претворением своих мыслей в личный опыт»³⁴.

Похоже, что в этих предписаниях *Dicaearchiae* в центре внимания была не столько помощь армии, сколько дисциплинирование судейского корпуса. О нуждах настоящих военных Спифам говорит всего в трех постановлениях. Он задается вполне конкретным вопросом – что делать с воинами во время пятилетнего перемирия? Вопрос о судьбе воинских подразделений после прекращения военных действий был вечно актуален. Но особенно остро он встанет после 1559 г. Многие историки, как и современники, не без оснований видели одну из причин Религиозных войн в том, что люди, много лет жившие войной, не имевшие ни других доходов, ни других занятий, кроме владения оружием, ввергли страну в пучину смуты.

Эта проблема была очевидной и для Спифама. «Король знает о величайшей нужде, в каковую военная Фортуна ввергает людей военных, будь то капитаны, лейтенанты, прапорщики (знаменосцы – *portes-enseignes*) и солдаты, которые сегодня, во время перемирия, не могут ни восполнить, ни восстановить свои силы, ни спокойно вернуться к своим очагам, не имея средств к существованию»³⁵, – гласит преамбула к постановлению № 133. В нем предписывалось, чтобы каждый из состоятельных домовладельцев (*pater familias*) в Париже, «живущий на свои ренты или пользующийся иным достатком, будь то клирик или мирянин», разместил у себя одного воина. Он должен был содержать его как родного сына, находящегося под его властью. Спифам явно был вдохновлен здесь римским правом – концепцией квиритской власти домовладыки, однако подчеркивал не столько его права, сколько обязанности по

³⁴ *Dicaearchiae*. CXXXIX. F. 188r.

³⁵ «Le Roy considerant les grandes necessitez ausquelles la fortune de la guerre a mis & poussé les gens de guerre capitaines, lieutenantz, porte enseigne & soldatz lesquelz auiourd’huy ne se peuvent durant la trefve replumer ne remectre sus ne avoir moien de se refuire doulcement a leur mesmage sans avoir quelque moyen de vivre» (*Dicaearchiae*. CXXXIII. F. 190r).

отношению к своим присным. Воину, который временно вверялся его заботе, *pater familias* должен был предоставить кров, пищу и одежду, «дабы ему содержать этот дом в безопасности»³⁶. По-видимому, в обмен новому домочадцу надлежало охранять жилье гостеприимного хозяина. Но этим не исчерпывались возможные функции воина во время перемирия.

В одном из постановлений, посвященных безопасности Парижа и его пригородов, Спифам предписывал реформировать правосудие на местах. В каждом из парижских кварталов (для удобства управления, он предлагал разделить город не на 16, а на 32 квартала) необходимо было учредить две должности аудиторов: одного по гражданским, другого по уголовным делам, с достаточным числом необходимого персонала, чтобы вершить на местах скорое правосудие, составлять первичные иски, осуществлять вызов в суд. Каждый аудитор в своем квартале должен был располагать специальным комиссаром-следователем (*commissaire examineur special*). Аудитору и комиссару полагались помощники (*adioints*) или заседатели (*assesseurs*) из числа уважаемых буржуа данных кварталов. Для борьбы с пригородной преступностью в *Dicaearchiae* предписывалось разместить при каждом воротах Парижа по одному такому аудитору с комиссаром-следователем и со штатом помощников³⁷. Об этих органах порядка Спифам упоминает в постановлении № 124, когда говорит о городских (квартальных) и пригородных (расположенных у ворот) судах и их заседателях, которым надлежало «выносить постановления о взятии под стражу, дабы пресекать публичные мятежи и скандалы»³⁸.

Исполнять судебные решения и должны были военные, дождавшиеся конца перемирия. Предполагалось, что они будут служить сержантами судебных приставов или помощниками при расследовании. За это им полагалось жалованье, на которое они могли бы одеться и содержать себя, тогда как кров и пища им должна предоставляться по месту их размещения. Им, как людям военным, жалованье должен был выплачивать коннетабль или один из маршалов Франции. Спифам раскрывает источник этих средств: фонд жалованья составят *épices* («мелочи»), взимаемые Палатой счетов и Палатой монет. Термин *épices* словарь Французской Ака-

³⁶ «pour luy tenir sadicte maison a seurte» (*Dicaearchiae*. CXXXIII. F. 190v).

³⁷ *Dicaearchiae*. LXXV. F. 103r–104r.

³⁸ «Pouvoir decreter prise de corps... pour faire cesser les scandales & tumuiltes publiques» (*Dicaearchiae*. CXXXIII. F. 190v).

демии в 1694 г. определял как «сборы, которые взимают судьи для письменного оформления материалов процесса»³⁹. Спифама, как и настоящих королей, весьма беспокоил этот вид неучтенных доходов у судебных. Но без этих «мелочей» колеса судебного механизма остановились бы, ведь надо было платить клеркам за переписывание документов, да и всем судебским за различного рода сверхурочные работы. Тема *épices* будет волновать как власти, так и самих судебных на протяжении всей эпохи Старого порядка⁴⁰. По плану же Спифама ради общего блага, ради подготовки к войне офисье судебных курий должны были временно довольствоваться исключительно своим жалованьем, но затем – по особому распоряжению короля – могли вернуться к прежней системе. Правда, при этом оставалось неясным, кто же будет исполнять обязанности квартальных сержантов и приставов, когда перемирие закончится, но так далеко Спифам не заглядывал. Предложенные им меры были нацелены на то, чтобы сохранить контроль над возвращавшимися в страну воинами, дать им возможность отдохнуть и подготовиться к возобновлению военных действий. В том же постановлении указывалось, что и во всех остальных городах королевства тоже надо найти жилье и доход для воинов на время мирной передышки.

Спифам понимал, что всю армию, выводившуюся из Италии, разместить таким образом невозможно. На всех не хватит не только состоятельных городских домохозяйств, способных взять к себе солдата на пятилетний пансион, но и самих крупных городов. Ведь Франция была сельской страной. Поэтому в *Dicaearchiae* указывался и другой способ размещения военных. В постановлении № 124 предписывалось, «чтобы все капитаны, лейтенанты, прапорщики, канониры, сержанты банд⁴¹ и отличившиеся воины (*gensdarmes insignes*), достойные своего звания, но не имеющие места, куда бы они могли удалиться по возвращению с войны, были бы распределены в сельской местности, будь то неукрепленные дома (*maisons plates*) или замки», собственники которых в данный момент там не находились, поскольку проживали в городе. Для этого надо было составить инвентарную опись всего име-

³⁹ Dictionnaire de Academie française. P., 1694. T. 1. P. 397.

⁴⁰ См., например: *Le Page D. De l'honneur et des épices. Les magistrats de la Chambre des comptes de Bretagne XVIe–XVIIe siècles.* Rennes, 2016.

⁴¹ То есть именно военные сержанты, а не сержанты, выполняющие полицейские функции в городах (например, «конные сержанты Парижского Шатле»).

ющегося там движимого имущества, как если бы воины снимали комнаты с мебелью. Им наравне с настоящими арендаторами разрешалось бы пользоваться конюшнями для своих лошадей и фуражом. Далее идет не вполне понятный для меня пассаж⁴², из которого можно понять, что воины не будут платить хозяевам за постой, поскольку последним выгодно, что их дома будут заселены и станут местом, где будет свертаться много трат. По-видимому, воины, расквартированные в пустующих домах, должны быть достаточно состоятельными. Не случайно среди лиц, перечисленных в преамбуле, простые солдаты не названы. У «квартирантов» имеются лошади и, главное, есть какие-то средства, чтобы совершать покупки у местных арендаторов, тем самым косвенно поддерживая благосостояние хозяев жилья.

Если же собственники пустовавших домов воспрепятствуют осуществлению этого распоряжения, то их надо поставить перед выбором: либо самим переехать в свои сельские дома, оставив воинам городское жилье, либо все-таки предоставить воинам загородную недвижимость *en garde* – под охрану, что предполагало право использования имущества, контроля за ним и управления им, сопоставимое с опекой.

Распределение солдат на постой было мерой хорошо известной, и порой она применялось как своеобразное наказание. Если даже не обращаться к *драгодатам* времен отмены Нантского эдикта (1686 г.), то можно вспомнить как во время чумы 1580 г. король Генрих III грозил офисье и богатым буржуа, «дезертировавшим» из столицы, что разместит военных в их пустующих домах⁴³. Впрочем, дальше угроз дело тогда не пошло. В данном случае автор *Dicaearchiae* успокаивал владельцев и увещевал «квартирантов» словами, навеянными Нагорной проповедью: военный «должен вести себя в доме как подобает главе семьи, и заботиться о вверенном ему хозяйстве таким образом, как он бы пожелал, чтобы обращались с его имуществом, если бы подобная компания явилась в дом к нему самому»⁴⁴.

Итак, часть военных оставалась в городах и даже находила там

⁴² «Sans qu'il luer en coust riens pour ce que cest le profit desdites maisons qu'ells soyent hantez & que l'on y face grande quantité de frois» (*Dicaearchiae*. CXXIV. F. 184v–r).

⁴³ *Mémoires de Claude Haton / Édition intégrale sous la dir. de L. Bourquin*. P., 2007. T. 4: 1578–1582. P. 307.

⁴⁴ «Auquel ledit Seigneur enioinct soy conporter en bon pere de famille & ayder au mesnage de ladicté maison tout ainsi que en semblable il voudroit aster ayde si telle compagnie luy estoit survenue en sa maison» (*Dicaearchiae*. CXXIV. F. 184 v).

работу, сопоставимую с занятиями будочников в дореформенной России, часть расселялась в пустующих имениях сельской местности. Но часть, возможно, самая большая, все-таки расходилась по домам, коль скоро в постановлениях № 124 и 133 речь шла лишь о тех, кто не имел места, куда можно было бы удалиться на время перемирия.

Спифама волновала судьба отставных воинов не только в связи с Восельским перемирием. В преамбуле постановления № 294 он обращается к истории Столетней войны, когда королю неоценимую помощь оказали коннетабли, бывшие небогатыми и малоизвестными при дворе рыцарями – бретонец Бертран Дюгеклен и шотландец Джон Стюарт. Спифам призывает брать пример с таких воинов, обращая внимание не на их богатство и знатность, а на то, как они сносили тяготы и опасности ради спокойствия людей, не обладавших рыцарскими добродетелями и способностями к войне. Доблестные рыцари противостояли врагам французской короны, которые, хотя и могли выказывать смелость и доблесть, но лишь потому, что главной их целью являлся захват добычи и пленных для выкупа. Ими двигала алчность, в то время как воины короля опирались на добродетель и доблесть и потому, в конечном счете, они должны были победить. За заслуги перед общим благом им надлежит обеспечить достойное положение и надежное место, чтобы они без тревог пребывали там в покое, в то время как другие, вдохновленные их примерами, продолжали бы тяжкий ратный труд, совершая подвиги⁴⁵. В отличие от других постановлений в этом Спифам не конкретизировал высказанное им благое пожелание и не предлагал пути решения поставленной задачи. Возможно, в недошедшей до нас части *Dicaearchiae* Спифам вернулся к практическим вопросам содержания ветеранов, но постановление № 294 носит сугубо нравоучительный характер, в нем подчеркиваются высокие моральные качества защитников французской короны, тогда как их противники показаны руководствующимися лишь низменными побуждениями.

Коварство врагов велико. В постановлении № 218 Спифам замечал, что военные столкновения обычно начинаются весной, поскольку враги знают о набожности французов, строго соблюдавших

⁴⁵ «Après avoir beaucoup merité envers la repubicque leur seront lors donnez estatz & sedentaires & immuables d'un repos Durant le temps que les autres qui auront pris exemple sur eux travailleront qu'ilz en auront donné durant le temps de leurs laburs & prouesses» (*Dicaearchiae*. CCXCIV. F. 362v).

Великий пост, изнурявших себя воздержанием от мяса, частыми церковными службами и молитвами, в результате чего их тело слабело. Враги, словно смеясь над Страстями Господними, начинают сражения именно в эти дни, чему Спифам приводит ряд примеров, начиная с битвы при Равенне (11 апреля 1512 г.). Как же сочетать набожность воинов с необходимостью укрепить их мышцы в разгар поста? В постановлении № 218 предлагалось неожиданное решение. В год, когда близость войны становилась очевидной, первая же пятница марта должна была считаться Страстной пятницей, а Пасха тогда праздновалась бы в первое воскресенье после первой пятницы марта⁴⁶. Соответственно, Великий пост должен был бы тогда начинаться 40 днями ранее. Согласно *Dicaearchiae*, этот порядок надлежало ввести с февраля 1559 г., когда истек срок Восельского перемирия. Но, возможно, отмечал Спифам, его придется ввести раньше, если перемирие будет сорвано противником, не убоявшимся нарушить священную клятву⁴⁷. Суля несчастья клятвопреступникам, Спифам еще не знал, что перемирие разорвет именно французская сторона, причем очень скоро, уже в январе 1557 г.

Постановление выглядит очень странным. Ведь с переносом Пасхи сдвигался литургический год и вся система двенадцатых праздников. Спифам не уточнял, будет ли предложенный им порядок соблюдаться всегда или только во время войны. Может быть, смещение сроков поста распространялось лишь на людей военных, а остальные могли отмечать Пасху по-старому⁴⁸? Однако в этом нововведении не было ничего невозможного для человека XVI в. В 1564 г., после изданного Карлом IX Русильонского эдикта, французы будут удивлены новостью, что новый год отныне будет отсчитываться не от Пасхи, а от 1 января, кстати, автор *Dicaearchiae* уже предвидел это в постановлении № 195⁴⁹. Однако переход с юлианского на григорианский календарь не мог пред-

⁴⁶ Спифам указывает на трудности и споры в расчете пасхалии, замечая, что единственное, в чем мы можем быть уверены, это то, что Спаситель был распят в пятницу.

⁴⁷ «...si plus tost ledict tresves finent & se rompent, veult & ordonne ledict seigneur plus tost ester commence par l'inconvenient & malheur de l'infracteur dicelles dont la malediction retournera sur luy» (*Dicaearchiae*. CCXVIII. F. 283r).

⁴⁸ «Avancer le Carême pour les Militaires, afin qu'ils se mettent plus commodément & plutôt en campagne» – так передает содержание этого постановления Жан Оффре (*Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours, ou Choix des arrests qui composent le Recueil de Raoul Spifame, connu sous le titre de "Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata"*; avec des Observations & une Table générale & raisonné de tout l'ouvrage. Amsterdam; P., 1775. P. 266).

⁴⁹ *Dicaearchiae*. CXCv. F. 255v.

сказать даже Спифам. Тот факт, что в 1582 г. у подданных христианнейшего короля пропадет сразу 10 дней, вызовет недоумение и страх не меньший, чем могло бы вызвать перемещение празднования Пасхи. Но в XVI в., на фоне отрицания протестантами почитания святых, попытками изменить литургический календарь удивить кого-нибудь было трудно. И даже в католическом мире осознавали, что праздников в честь того или иного святого, когда запрещалось работать, стало слишком много.

Пытаясь сократить число праздничных дней и при этом не умалить почитания святых, Спифам предписывал поминать каждого из них не ежегодно, а раз в десять лет. Постановление № 267 предусматривало всего три праздничных дня в году, в каждый из которых поминалась бы особая группа святых. Первый праздник был посвящен в основном поминовению апостолов и евангелистов, во время второго праздника должны были поминаться остальные святые и угодники, причем в один из годов второго цикла следовало отмечать день памяти небесных патронов данного диоцеза и прихода. Для нас же особый интерес представляет третий праздник, его цикл в первый год открывает поминовение Невинноубиенных [младенцев] и 10 тысяч [Никомедийских] мучеников, на следующий год поминаются 11 тысяч девственниц [святой Урсулы] и святой Маврикий с его воинами. На третий же год наступает очередь святых Роланда и Оливье – «мучеников и рыцарей Круглого стола (sic!), которые погибли в Ронсевальском ущелье, защищая Христианский мир», мученичество которых, согласно Спифаму, церковь отмечает в 16-е календы июня, «ибо те, кто смело защищал веру и родную страну и корону Франции и пал на поле брани на службе своему государю, суть славные мученики в Раю, и потомки должны их почитать без всякой канонизации»⁵⁰. Оставшиеся семь лет цикла постановление пока оставляло незанятыми, предусматривая, что в эти дни должны почитаться «рыцари Франции, умершие за свою христианскую веру и за свою страну». Их имена и форму прославления надлежало установить Патриаршему совету (новому органу, придуманному Спифамом), чтобы побудить потомков к подражанию их доблести. Это важное для нас предписание в общем контексте данного распоряжения достаточно маргинально, поскольку главная цель этого предписания – сократить

⁵⁰ «Tous ceux qui ont vaillement deffendu la foy le pays & la coronne de France & y sont morse en la campagne fidellement servantz leur Prince sont Glorieux martirs en Paradis, desquelz la posteritée doit faire feste & celebrite sans autres cononisations» (Dicaearchiae. CCLXVII. F. 333v).

число праздников «для облегчения жизни бедных людей, лишенных заработка в эти дни».

Более подробно о почитании павших героев говорится в постановлении № 14. В нем Спифам от имени короля объяснял, что знаки печали и меланхолии, траура и грусти, внушаемые церковью христианам, служат цели склонить их к покаянию, а не вселить ужас перед смертью. Смерть – неизбежная дань природе, выгодная человеку, который в ином случае жил бы долго, все больше впадая в беспомощность и мучаясь от болезней. Согласно христианскому вероучению, увещевает автор *Dicaearchiae*, час смерти является началом пути в вечное празднование, его следует скорее желать, чем бояться. Поэтому все знаки траура и печали по усопшим излишни.

Но из этого правила Спифам делает важное исключение – траур необходим для похорон государей и сеньоров, от жизни которых зависит общее благо. К этой категории отнесены и воины, такие как Роланд и Оливье. И тут же в *Dicaearchiae* он предписывал создать «мартиролог – каталог всех принцев, капитанов, их помощников (лейтенантов) и прочих воинов, павших в военных походах ради сохранения и защиты короны Франции, начиная со времен Карла Великого»⁵¹. Подобно мартирологу святых этот «каталог воинов» следовало организовать по календарному принципу в соответствии с днями поминовения и читать его во всех церквях, «дабы воодушевить дворянство более доблестно служить оружием, среди опасностей войны... в качестве подлинных мучеников, без иной канонизации, если случится им умереть на этом одре славы»⁵². В каждой церкви надлежало учредить особый чин проповедника, повествующего о жизни этих воинов, и в *Dicaearchiae* указывалось, из каких средств должна проводиться оплата их назидательных проповедей (*leçons*).

Но Спифам понимал, что составление национального мартиролога воинской славы требовало от исполнителей высокой квалификации и тщательности в изысканиях исторического характера. Постановлением № 14 учреждалась должность «штатного историографа доблестных деяний, свершенных добрыми и славными рыцарями»⁵³. Описание подвигов следовало составить в хроноло-

⁵¹ *Dicaearchiae*. XIV. F. 17v.

⁵² *Ibid.*

⁵³ «Un hystoriographe ordinaire des gestes vertueux & faitz chevaleureux des bons & notables chevaliers, qui ont porté par cy devant , portent au iourdhy & porternt cy apres la

гическом порядке на латинском и французском языках. Историографу предстояло работать в паре со специально назначенным для этого прославленным поэтом. Оба ученых, находясь в Париже, должны были иметь свободный доступ на заседания всех высших судов и время от времени рассказывать о своих достижениях. Очертив круг их обязанностей, Спифам определял размер их жалованья и указывал статью королевских доходов, из которых оно должно было выплачиваться⁵⁴.

Сколько удивительных нововведений в одном лишь постановлении № 14! Здесь и мемориал павшим героям, и организация исторических исследований, и создание исторических сочинений, посвященных их подвигам, и приравнивание их славы к святости, которая является скрепой общества, и воспитательное значение постоянного напоминания о подвигах. Так и тянет назвать это воспитание «военно-патриотическим». Спифам, конечно, не употреблял термин «патриотизм», который станет известен во Франции лишь с середины XVIII в. Зато его восторженный издатель и почитатель Жан Оффре, который особенно высоко оценивал именно это постановление № 14, был хорошо знаком с патриотизмом и трижды включал это слово в заголовок своих сочинений⁵⁵, пока, наконец, не издал извлечения из *Dicaearchiae* с характерным заглавием: «Взгляды политика XVI века на законодательство своего времени, равным образом относящиеся к законодательству наших дней...»⁵⁶.

Думаю, что и мы могли бы счесть многие рекомендации Рауля Спифама применимыми к нашей эпохе. Мы затронули лишь самую малую часть из его проектов, но и из того, с чем мы познакомились сейчас, видно, что некоторые предсказания ему удавались.

querelle de la couronne de France & les prouesses de Princes du tresnoble sang d'icelle...» (*Dicaearchiae*. XIV. F. 17v).

⁵⁴ *Dicaearchiae*. XIV. F. 18r. Размер их ежегодного жалованья определялся в 1200 ливров, что соответствовало жалованью советника любого из парижских высших судов.

⁵⁵ *Auffray J.* *Idées patriotiques sur la necessité de rendre liberté au commerce.* Lyon, 1762; *Idem.* *Discour sur les avantages que le patriotisme retiré des sciences economiques.* P., 1767; *Idem.* *Essais sur les moyens de faire du Colyseé un établissement national et patriotique.* P., 1772. В последнем случае он был напрямую вдохновлен идеями Спифама об устройствах общественных ристалищ и площадок для обучения военному искусству.

⁵⁶ *Auffray J.* *Vues d'un politique de XVIe siècle, sur la legislation de son tems (sic!) également propres à réformer celle de nos jours; ou Choix des arrests qui composent le Recueil de Raoul Spifame, connu sous le titre de "Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata"; avec des Observations & une Table générale & raisonné de tout l'ouvrage.* Amsterdam; P., 1775.

Кем же был этот эксцентричный адвокат и почему за ним закрепилась репутация «провидца»?

Спифама не стоит уподоблять ни Леонардо Да Винчи, ни Роджеру Бэкону, умевшим заглядывать далеко за горизонт своей эпохи благодаря силе мысли и исключительным дарованиям. На фоне выдающихся младших современников и коллег по адвокатуре, таких как Этьен Паскье, Жан Боден, Пьер Питу, Спифам не обладал ни полнотой их эрудиции, ни их гуманистической образованностью, ни глубиной идей. Я бы уподобил его рупору. Он транслировал и при этом усиливал те слухи и те проекты, которые носились в воздухе, точнее, обсуждались в сферах, где Спифам был своим, несмотря на его трудный характер. Он часто (пока ему не запретили там появляться) посещал Дворец правосудия, где адвокаты обсуждали новости. У него были неплохие связи среди парижского духовенства⁵⁷. И, главное, он оказался связан с королевским секретарем Жаном Дютье из клиентелы коннетабля Монморанси, входившего в «штаб реформ»⁵⁸. Спифама вдохновляло величие начавшихся преобразований: от переустройства Галликанской церкви до масштабных проектов городского строительства. Осуществлена была лишь малая часть из намечавшегося, но в *Dicaearchiae* эти планы подхватывались и дополнялись, приобретая порой гротескный характер, перемежаясь с обличением личных врагов самого Спифама.

Реформы Генриха II по большей части так и не были реализованы, но их нельзя назвать принципиально нереализуемыми. Несколько роковых обстоятельств воспрепятствовали их претворению в жизнь. Мирная передышка в виде Восельского перемирия была сорвана, папа Павел IV и придворная «партия войны» во главе с Франсуа де Гизом втянули королевство в военные действия, имевшие катастрофические последствия. Коннетабль Монморанси был разбит и пленен под Сен-Кантенем 10 августа 1557 г. Его ставленники-реформаторы стремительно теряли влияние при дворе. Через полтора года король пошел на заключение мира в Като-Камбрези (3 апреля 1559 г.), позорного в глазах многих современников, но открывавшего возможность проведения реформ. Ген-

⁵⁷ Парламент жаловался на то, что протесты Спифама против наложенных на него дисциплинарных мер, были поддержаны парижским церковным судом – Archives Nationales de France. XIa 1583. F. 381.

⁵⁸ В постановлении № 19 Спифам сулит Жану Дютье важную должность секретаря ведомства главной («диктаторской») королевской печати. Подпись Жана Дютье стоит на решении об изъятии дела Спифама из ведения Парижского Парламента и о прекращении его преследований – Archives Nationales de France. XIa 1589. F. 474.

рих II твердо решил навести порядок в стране и начал с Парижского Парламента, явившись на заседание дисциплинарной комиссии («меркуриала») 26 апреля 1559 г., которое закончилось арестом непокорных магистратов. Однако 30 июня 1559 г. король был смертельно ранен на турнире. Он погиб, не успев оставить «больших ордонансов» наподобие тех, которые издал его отец в 1539 г. (ордонанс Франциска I в Виллер-Коттре) и его сыновья Карл IX (ордонансы в Орлеане 1560 г. и в Мулене 1566 г.) и Генрих III (ордонанс в Блуа 1579 г.). Отсутствие подобной «сердцевины законодательства», проигранная война, декларируемая нетерпимость к «еретикам», грянувший после его смерти кризис Религиозных войн, перечеркнувших успехи государственного строительства — всё это создало скверную репутацию Генриху II в глазах историков XIX, да и XX вв. Тем же из них, кто старается изменить оценку этого правителя, приходится воссоздавать картину его бурной административной и законодательной деятельности, выкладывая мозаику на основе разрозненных актов⁵⁹. И в этом отношении *Dicaearchiae* Рауля Спифама приобретает новое значение не просто как игра ума адвоката, наделенного богатым воображением, и не как очередная ренессансная утопия, но как амальгама публично-правовых и административных инициатив времен Генриха II.

Инноваций было много, некоторые из них казались неслыханными и пугающими. И все же они чаще всего опирались на те или иные прецеденты, на расхожую практику и традицию, лишь переосмысляя, реформатируя старое. Для примера вернемся все к тому же постановлению № 14 о национальном мартирологе павших воинов. На самом деле «святые Роланд и Оливье» не являлись вымыслом Спифама. Эти рыцари не были включены в унифицированный Римский мартиролог 1583 г., но в некоторых из средневековых мартирологов упоминались как святые (их память, судя по всему, отмечалась в 16-е календы июля, а не июня)⁶⁰.

Эрнст Канторович, участник Первой мировой войны, исследовавший вопрос о том, каким образом павшие за Родину были

⁵⁹ С 1979 г. публикация Каталога актов Генриха II осуществлялась трудами Мари-Ноэль Бодуэн-Матюзек (*Catalogue des actes de Henri II*. P., 1979–2009. Т. 1–7). В связи с ее уходом на пенсию издание было приостановлено. В 2018 г. выделены средства на продолжение издания в электронном виде под руководством Розалин Клэр, но пока результаты этой работы не доступны широкой публике.

⁶⁰ *The Pseudo-Turpin*, edited from *Bibliothèque Nationale, fonds latin, MS. 17656* / Ed. H. M. Smyser. Cambridge (Mass.), 1937. P. 87.

уподоблены на Западе павшим за веру⁶¹, отмечал, что в изученной им средневековой традиции прослеживалась тенденция к постепенному сближению двух концепций общества как «мистического тела» – духовной и светской. И важное место в этой эволюции у Канторовича занимает эпоха Ренессанса. Жаль, что он не был знаком с *Dicaearchiae* Рауля Спифама, этот труд стал бы для него тем самым «недостающим звеном» между современной ему концепцией святости павших за Родину и средневековым видением проблемы.

Но это показывает, что между инновациями ренессансной монархии и Средневековьем еще не наблюдалось качественного разрыва, успехи XVI столетия базировались на надежном средневековом наследии.

Предсказания Спифама многочисленны. Но раз речь идет о своеобразном срезе эпохи, то можно взглянуть на них иначе. Даже из очень скромного по сравнению с другими областями перечня инициатив *Dicaearchiae*, которые были рассмотрены в данной статье, можно судить, до сколь многих вещей ни Спифам, ни коннетабль Монморанси со своими людьми, ни сам Генрих II еще не додумались. Проблемы были обозначены правильно, но предлагаемые решения оказались не столь радикальны, как те, что будут найдены в будущем.

1. После окончания военных действий воинов надо было куда-то пристраивать, но не расселять по пустующим мызам и домам богатых горожан. Военных поместят в специально отстроенные казармы, где солдат займут постоянными военными упражнениями, поддерживая дисциплину и боеготовность войск.

2. Заботиться о престарелых ветеранах будут путем создания специализированных приютов-госпиталей для увечных и немощных воинов.

3. Городская фортификация требовала не оштукатуривания старых стен, а возведения принципиально новых фортификационных сооружений (бастионов и рavelинов, эскарпов и контрэскарпов), что потребует принципиально иных затрат и усилий плеяды военных инженеров.

4. Профессионализация военного образования будет достигнута не открытыми курсами занятий для вольнослушателей, а путем создания элитных учебных заведений закрытого типа для будущих офицеров.

⁶¹ *Kantorowicz E. H. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought // The American Historical Review. 1951. Vol. 56. № 3. P. 472–492.*

5. Мемориал павшим воинам был бы полезен как для национальной консолидации, так и для мотивированности национальной армии. Но путь прямого включения героев в святцы окажется по многим причинам на тот момент заблокированным.

6. Историописание выйдет на новый уровень и будет выполнять в том числе и функции «государственного заказа», но профессионализация этого знания пойдет по иному пути, который не будет пролегать через создание должностей королевских историографов.

7. Календарные реформы были необходимы, как и «прореживание» списка святых и, соответственно, сокращение числа праздничных дней. Но решать этот вопрос будут иначе, с привлечением ученых (астрономов, математиков, историков).

У историков считается дурным тоном оценивать деятелей по тому, что они не сделали. Но в данном случае важно не констатировать историческую ограниченность людей эпохи Генриха II, а обратить внимание на хронологическую близость грядущих инноваций. И Рауль Спифам, и «вся королевская рать» остановились в шаге от прорыва, от качественного скачка. Через 40 лет после публикации *Dicaearchiae* Мориц Оранский начнет осуществлять свою знаменитую военную реформу, решившую проблему поддержания дисциплины и эффективности армии в мирное время. В 1575 г. Генрих III откроет в Париже Королевский дом христианского милосердия, предназначенный для содержания увечных воинов. Его финансирование существенно увеличит Генрих IV, и, наконец, создание госпиталей и приютов для ветеранов увенчается возведением грандиозного Дома Инвалидов при Людовике XIV. К моменту публикации *Dicaearchiae* в Лотарингии уже появился на свет Эрар де Бар ле Дюк, который к 1590-м гг. окончательно утвердит во Франции бастионный тип фортификации, доведенный до совершенства великим Вобаном с его «Железным поясом». В 1596 г. в Париже будет открыта академия верховой езды Плювенеля – принципиально новое учебное заведение, куда поступит молодой Арман дю Плесси, будущий кардинал Ришелье, мечтавший о военной карьере. С календарем-матриологом павших воинов дело обстоит сложнее. Реформация и католическая Контрреформация разведут понятия «мистического тела» в духовном и в светском его понимании. Что же касается истории, то уже при жизни Спифама во Франции начнет утверждаться новая модель историописания, и её адептами на первых порах бу-

дут именно судейские – Жан Дю Тийе, Этьен Паскье, Жан Боден, однако в следующем столетии представление о том, что история пишется по источникам, будет укрепляться в основном в трудах представителей монашеских конгрегаций. Календарная реформа грянет в 1582 г. И сразу вслед за григорианской реформой, папа Григорий XIII опубликует обновленный Римский мартиролог (1583), сокративший число почитаемых в католической церкви святых.

Столь зримое совмещение во времени качественных инноваций, список которых можно продолжать еще долго, даже если ограничиться только *Dicaearchiae*, указывает на то, что начало действительного разрыва со средневековой традицией датируется концом XVI в., когда утрата конфессионального единства Запада станет не просто свершившимся фактом, а осознанным фактом. Это будет означать эрозию смыслообразующего концепта средневекового мира – *эклесии*, в том значении, которое придает ему Аллен Геро⁶². Люди начнут теперь мыслить по-другому.

Значение *Dicaearchiae* Рауля Спифама в том, что она высвечивает этот важный эпизод в эволюции французского общества и французской монархии. И происходит это, несмотря на всю странность Рауля Спифама, а, точнее, благодаря ей, если вспомнить парадоксальную формулу Эдоардо Гренди об «исключительном нормальном»⁶³.

REFERENCES

- Андреев М. Л.* Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993. [Andreev M. L. Rytsarskii roman v èpokhu Vozrozhdeniia. Moscow, 1993].
- Десимон Р., Мий Э., Уваров П. Ю.* Семейные ценности Спифамов (разрыв и преемственность в парижском линьяже в XVI–XVII веках) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2011. Вып. 72 (1–2). С. 274–305 [Desimon R., Mii È., Uvarov P. Iu. Semeinye tsennosti Spifamov (razryv i preemstvennost' v parizhskom lin'iazhe v XVI–XVII vekakh) // Srednie veka. Issledovaniia po istorii Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni. 2011. Vyp. 72 (1–2). S. 274–305].
- Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. П. Любимова. М., 1966 [Rable F. Gargantiua i Pantagriuèl' / Per. P. Liubimova. Moscow, 1966].

⁶² *Guerreau A.* L'Avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXI siècle. P., 2001.

⁶³ *Grendi E.* Micro-analisi e storia sociale // Quaderni storici. 1977. Vol. 35. P. 506–520.

- Уваров П. Ю. «Король аркебузы» и «рыцари присяги» в Провене времен Религиозных войн // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2020. Вып. 82(4). С. 86–108 [Uvarov P.Iu. «Korol' arkebuzy» i «rytsari prisiagi» v Provene vremen Religioznykh voĭn // Srednie veka. Issledovaniia po istorii Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni. 2020. Vyp. 82(4). S. 86–108].
- Уваров П. Ю. Проекты реформ Галликанской церкви и «повседневного благочестия» накануне Религиозных войн // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 2. С. 59–74 [Uvarov P. Iu. Proekty reform Gallikanskoĭ tserkvi i «povsednevnogo blagochestiia» nakanune Religioznykh voĭn // Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2021. T. 23. № 2. S. 59–74].
- Федосов Д. Г. Военная революция // Всемирная история. М., 2019. Т. 3. С. 65–69 [Fedosov D. G. Voennaia revoliutsiia // Vsemirnaia istoriia. Moscow, 2019. T. 3. S. 65–69].
- Auffray J. Discour sur les avantages que le patriotisme retiré des sciences économiques. Paris, 1767.
- Auffray J. Essais sur les moyens de faire du Colyseé un établissement national et patriotique. Paris, 1772.
- Auffray J. Idées patriotiques sur la nécessité de rendre liberté au commerce. Lyon, 1762.
- Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours, ou Choix des arrests qui composent le Recueil de Raoul Spifame, connu sous le titre de “Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata”; avec des Observations & une Table générale & raisonné de tout l'ouvrage. Amsterdam; Paris, 1775.
- Black J. Was There a Military Revolution in Early Modern Europe? // History Today. 2008. Vol. 58. № 7. P. 34–41.
- Catalogue des actes de Henri II / Éd. par M.-N. Baudouin-Matuszek et al. Paris, 1979–2009. T. 1–7. (Collection des ordonnances des rois de France).
- Champier S. Les gestes ensemble la vie du preulx Chevalier Bayard / Éd. par D. Crouzet. Paris, 2005 (1ère éd. – 1992).
- Chiron P. Manuel de rhétorique ou Comment faire de l'élève un citoyen. Paris, 2018.
- Contamine Ph. *Les industries de guerre dans la France de la Renaissance: l'exemple de l'artillerie* // Revue Historique. 1984. T. 271. Fasc. 2 (550). P. 249–280.

- Daubresse S.* Le Parlement de Paris ou la voix de la Raison (1559–1589). Genève, 2005.
- Dictionnaire de Academie française. Paris, 1694. T. 1.
- [*Du Trocy B.*] Formulaire fort récréatif de tous contractz, donations, testamens, codicilles et autres actes qui sont faicts et passez par devant notaires et tesmoins, faict par Bredin le Cocu, notaire royal et contrerooleur des basses marches au royaume d’Utopie. Lyon, 1593.
- Franklin A.* Le duel de Jarnac et de La Châtaigneraie d’après une relation contemporaine et officielle. Paris, 1909.
- Grendi E.* Micro-analisi e storia sociale // Quaderni storici. 1977. Vol. 35. P. 506–520.
- Guerreau A.* L’Avenir d’un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle. Paris, 2001.
- Harangue de Pierre de La Ramée, touchant ce qu’ont faict les deputez de l’Université de Paris envers le Roy. Paris, 1557.
- Huppert G.* Les bourgeois gentilshommes : An essay on the definition of elites in Renaissance France. Chicago, 1977.
- Kantorowicz E. H.* Pro Patria Mori in Medieval Political Thought // The American Historical Review. 1951. Vol. 56. № 3. P. 472–492.
- La Roncière Ch. de. Henri II précurseur de Colbert // Bibliothèque de l’École des chartes. 1905. T. 66. P. 633–654.
- Le Page D.* De l’honneur et des épices. Les magistrats de la Chambre des comptes de Bretagne XVIe–XVIIe siècles. Rennes, 2016.
- Le Roux N.* Le crépuscule de la chevalerie. Noblesse et guerre au siècle de la Renaissance. Ceyzérieu, 2015.
- Mémoires de Claude Haton / Édition intégrale sous la dir. de L. Bourquin. Paris, 2007. T. 4.
- Les Progymnasmata en pratique, de l’Antiquité à nos jours / Dir. de P. Chiron et B. Sans. Paris, 2020.
- The Pseudo-Turpin, edited from Bibliothéque Nationale, fonds latin, MS. 17656 / Ed. H.M. Smyser. Cambridge (Mass.), 1937.
- Spifame R.* Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata. [Paris], 1556.
- Wintroub M.* L’ordre du rituel et l’ordre des choses: l’entrée royale d’Henri II à Rouen // Annales. Histoire. Sciences sociales. 2001. Vol. 56. № 2. P. 479–505.

Уваров Павел Юрьевич

доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН,
заведующий отделом
западноевропейского Средневековья
и раннего Нового времени
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а.
e-mail: oupav@mail.ru

Pavel Uvarov

Dr. Hab. (History),
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences
Head of the Department
of Western European Middle Ages
and Early Modern Times
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky Ave.,
119334 Moscow, Russia
e-mail: oupav@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0808-2277
ResearcherID: E-2807-2017
Scopus AuthorID: 56297330900